

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154769-782>

Капустина Е.Л.,
к.и.н., заведующий отделом этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
(Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия,
parlel@mail.ru

ГЛОБАЛЬНОЕ СЕЛЕНИЕ: СУДЬБА ЛОКАЛЬНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В статье освящается актуальная дискуссия о таких категориях как локальное и глобальное в современной антропологии и предлагается вариант применения категорий для современной социокультурной реальности дагестанского общества. Демонстрируются позиции ведущих исследователей, деконструирующих понятия «локальность» и «сообщество», предлагающих альтернативный взгляд на традиционное, укорененное в конкретном месте общество. Детерриторизованные общества в условиях значительных социальных изменений в мире (миграции, в том числе транснациональные и транслокальные, а также процесс глобализации) становятся новой формой социального взаимодействия, где физическая локальность уступает место другим категориям, связывающим людей в актуальные сообщества. Применительно к дагестанским реалиям предлагается рассмотреть местные детерриторизованные общества через призму концептуальной метафоры «глобальное селение». Показаны факторы, способствующие формированию таких детерриторизованных сообществ, а также приведен пример такого сообщества на примере селения Бежта, высокогорное селение, расположенное недалеко от российско-грузинской границы в Цунтинском районе Дагестана. Предлагается взгляд на комплекс физических локальностей, объединенных принадлежностью к этому горному селению (само селение, переселенческие села на равнине Дагестана, семьи, находящиеся за пределами республики в трудовой миграции и живущие транслокальной жизнью, а также в меньшей степени село Чантлискури на территории Грузии) как на вариант «глобального селения».

Ключевые слова: локальность; глобализация; сообщество; глобальное селение; миграции.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154769-782>

Ekaterina L. Kapustina,
Ph.D. (History), Head of Department of Caucasian Ethnography
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), St. Petersburg, Russia
parlel@mail.ru

**GLOBAL SETTLEMENT:
THE FUTURE OF LOCALITY IN RELATION
WITH THE MODERN SOCIAL LIFE IN DAGESTAN**

Abstract. The article discusses a relevant issue of local and global categories in the modern anthropology, and suggests the option of using such categories for the modern sociocultural reality of Dagestan society. The position of leading researchers, deconstructing the concepts of “locality” and “community”, offering an alternative view of a traditional society rooted in a particular place, are demonstrated in the paper. Deterritorialized societies in the face of significant social changes in the world (migration, including the transnational and translocal ones, as well as the process of globalization) are becoming a new form of social interaction, where physical locality gives way to other categories linking people into relevant communities. Regarding the Dagestan realities, we propose to consider local deterministic communities through the prism of the conceptual metaphor “global settlement”. Factors contributing to the formation of such deterritorialized communities are shown, and the mountain village of Bezhta, located near the Russian-Georgian border in the Tsuntinsky district of Dagestan, is given as an example of such a community. An overview of the complex of physical localities united by belonging to this mountain village (the village itself, resettlement villages on the plain of Dagestan, families located outside the republic in labor migration and living a translocal life, as well as to a lesser extent the village of Chantliskuri in Georgia) as version of the “global settlement”.

Keywords: locality; globalization; community; global settlement; migration.

На протяжении прошлого столетия антропология интересовалась, прежде всего, локальными культурами. Антропологи А. Гупта и Дж. Фергюсон отмечали, что антропология, пожалуй, более, чем любая другая дисциплина, остается совокупностью знаний, созданных на основе региональной специализации [1; 2, с. 9]. В отличие от других социальных наук, чаще оперировавших макропроцессами и макровопросами, антропология уделяла внимание территориальным локальностям и принадлежащим им сообществам.

Бурные трансформационные процессы второй половины XX века, в первую очередь, глобализация, миграции, технологическое развитие, начали переформатировать и предметы, и объекты исследования социальных дисциплин.

В частности, встал вопрос о судьбе и сущности локальных сообществ, особенно в условиях глобализации. Глобализация применительно к социальным наукам может быть рассмотрена как комплекс процессов, которые происходят внутри наций и также выходят за их пределы, а также как интенсификация социальных отношений во всем мире. Эти социальные отношения связывают локальности таким образом, что местные события формируются теми событиями, которые происходят очень далеко от них. Иными словами глобализация ослабляет различия между центром и периферией [3]. Глобализация воспринималась как естественный антагонист локальным явлениям, однако затем эта точка зрения начала корректироваться. Так М. Кастельс отмечал, что процесс глобализации стал питательной средой, на которой выросли социокультурные локальные идентичности, определившиеся в том числе и в ходе борьбы против глобализации [4]. Существовал взгляд на глобальный мир как на слияние множества локальностей, каждая из которых вносит в него свои традиции и культуру [5, с. 115].

Судьба локального сообщества в начале 1990-х гг. стала анализироваться через призму новой концепции транснационализма, в первую очередь в контексте масштабных миграционных процессов. Согласно Н. Глик Шиллер и ее коллегам, предложившим новый термин в антропологии, транснационализм определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы. Транснациональные мигранты развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы, а их публичные идентичности формируются во взаимодействии с более чем одним национальным государством [6, р. ix].

При этом транснационализм как термин имеет более ограниченное действие, чем глобализация: если глобальное может касаться всего мира, то транснационализм устанавливает связи между двумя или несколькими конкретными мирами, в первую очередь, связанными миграционными потоками [5, с. 115]. Транснационализм может оперировать как макросообществами – национальными государствами, так и применяться к локальным мигрантскими

стратегиями сообществами и тогда нередко используется термин «традиционализм снизу».

В конце XX века сами концепты «локальности» и «сообщества» подверглись атакам деконструкции. Традиционное антропологическое представление о том, что культуры имеют четкие географические границы, сменилось признанием того, что это уже не так, если вообще когда-либо было так. А. Гупта и Дж. Фергюсон выступили против восприятия понятий «локальность» и «община» как неизменных и изначальных, связанных с традицией в противовес изменчивости и современной сущности глобализации. Авторы предлагают воспринимать обе дефиниции как изменяющиеся в истории и возникшие как результат деятельности жителей, государства, экспертов (включая самих антропологов) [2].

Одним из последствий глобализации, глобальных миграций, а также всемирного распространения информации была названа детерриторизация культур [3]. Понятие «детерриторизация» формулируется по-разному разными исследователями. Одни заговорили о детерриторизованном государстве, которое может сохранять свое влияние на выехавших мигрантов. В результате сообщества мигрантов за рубежом становятся еще одной «провинцией» локальной страны, даже находясь вдали от нее. Иными словами, в случае с детерриторизованным государством человек вне зависимости от своего физического места нахождения будет полагать, что живет в определенном национальном государстве [7; 3].

Идея детерриторизации, предложенная А. Ападураи, также отменяет тождественность территории и социальных событий и групп – социальные группы больше не связаны с конкретной территорией. А. Ападураи писал, что необходимо определить причину локальности как жизненного опыта в глобальном детерриторизованном мире, и что нужно реконцептуализировать ландшафты групповой идентичности, в которых группы больше не строго территориализованы, пространственно ограничены или культурно гомогенны [8, p. 191–196].

Термин *сообщество (community)* в социальных исследованиях долго был напрямую сопряжен с термином *локальность*, когда членов сообщества связывает, прежде всего, идея общей специфической территории. Исследования последних тридцати лет показали большую вариативность вне-территориальных форм сообществ, характерных для современного глобального мира, а сам термин *community* подвергался критике за неоднозначность и противоречивость [9]. Так внимание исследователей привлекла тема коллективных идентичностей, а в связи с этим и изучение символической роли места в конструировании этих идентичностей [10]. В результате стало очевидно, что связующим звеном для членов сообщества могут быть не только и не столько общее место проживания, а другие факторы, например, социальные сети, не связанные с локальностью [11, p. 129]. К. Копланд-Карсон и ее коллеги утверждают: в настоящее время «сообществом» может стать

квартал, город, нация, родственная группа или диаспора, а обычно – несколько из них одновременно, а само сообщество может распространяться на многие населенные пункты и говорить на разных языках [12].

Локальное относится не только к локальности, но также является социокультурной метафорой коллективно представляемого пространства, где существуют люди, обладающие определенным чувством места, разделяющие определенный стиль жизни и взгляд на мир. Глобальное и локальное, таким образом, не стоит воспринимать как бинарную оппозицию, это искусственное противопоставление [13]. А процессы глобализации и локализации это не просто борьба модернизации и города с традиционализмом и деревней, они могут принимать различные формы [14]. В ходе этих рассуждений в социальных науках появляется понятие «глокализация», пришедшее из сферы японского маркетинга и там обозначающее адаптацию продукции к запросам тех или иных групп потребителей. Этот термин в 1995 г. адаптировал к вокабуляру социальных наук социолог Р. Робертсон, чтобы точнее описать взаимодействие между глобальным и локальным, когда локальное выходит за пределы локальности, а глобальное наоборот локализуется и уходит от макроформ. Идея глокализации была связана с включением разнообразия местных экономик и культур в глобальные сети, сохранением и воспроизводством культурного плюрализма [5, с. 116]. Это понятие – гибрид между глобализацией и локальностью: по мере расширения контактов с внешним миром акцент все больше смещается на «локальную» составляющую, чем на «глобальную» [4].

Отчасти созвучна идея детерриторизации и транснациональности еще одна концептуальная метафора, пришедшая в антропологию из работ М. Маклюэна также в последнюю декаду XX века – «глобальная деревня». Если еще во второй половине XX вв. деревня мыслилась одновременно и локальным местом, и воображаемым сообществом кооперации и гармонии [15], то сегодня термин «глобальная деревня», метафора, подчеркивающая сложные взаимосвязанности в современном мире, все более актуален.

Концепт «глобальная деревня» выходит далеко за пределы размышлений о сельской локальности в детерриторизованном и глобализирующемся мире – это также разговор о потоках информации, финансов или культурных явлений за пределами собственно сел – жизнь человека стала глобальной и локальной одновременно, он стал жить в многоуровневой реальности, постоянно меняющейся во времени и пространстве [12]. Географические границы одной деревни используются как источник идентичности сообщества, но существует и совершенно неограниченное «внетерриториальное сообщество», «социально детерминированное пространство» которого в идеале может охватывать целый мир [16, р. 13].

Рассмотрев дискуссию о судьбе концепта локальности и различные подходы к детерриторизации общества, стоит примерить ее к реалиям современного Дагестана. В условиях драматических политических, экономических и социальных изменений последних десятилетий описанная этнографами

сельская община XIX – первой половины XX вв. ушла в прошлое или в значительной мере трансформировалась (достаточно сравнить две программные книги М. Агларова и Ю. Карпова, чтобы увидеть этот путь [17; 18]. Перед исследователями встают следующие вопросы – в какой мере и в каком значении сохранилось сельское сообщество в настоящее время, какое место оно занимает в структуре современного дагестанского социума? Эти вопросы актуальны и потому, что сельское население до сих пор составляет довольно ощутимый процент населения республики (54,8 % по данным Переписи населения 2010 г. [19]) Несмотря на стремительную урбанизацию и интенсивную миграцию как внутри, так и за пределами республики, интересным представляется решение такого вопроса - как селение участвует во всех значимых социальных процессах и какова сейчас актуальная сельская идентичность? Ответить на все эти масштабные вопросы, разумеется, невозможно в формате небольшой статьи. Здесь будет предпринята попытка определить значение дагестанского селения как группообразующего социального элемента именно через использование вышеописанных теоретических построений и концептуальных метафор.

Автор неоднократно обращался к транснациональной теоретической линзе при изучении миграционных процессов, в которые вовлечены выходцы из сельских районов Дагестана. В результате был выдвинут тезис о том, что внутрироссийская миграция из Дагестана часто носит транслокальный характер, при котором формируется единое транслокальное пространство, объединяющее мигрантов, членов их семей (также нередко становящихся транслокальными) и немигрантов, проживающих в селе [20; 21]. Здесь предлагается посмотреть на дагестанское селение через призму детерриториализации, используя метафору «глобальное селение».

После краткого теоретического обзора стоит обратиться к главному исследовательскому вопросу данной статьи – можно ли говорить о «глобальной деревне» применительно к современному дагестанскому селению, и в какой мере этот концепт может быть полезен для понимания современной социальной реальности в республике?

Принадлежность к тому или иному дагестанскому селению важна для идентичности как его жителя, так и уехавшего из него мигранта. Однако это не всегда сопряжено с конкретной географической локальностью, что связано с миграционными процессами минувшего столетия.

Рельефнее всего, как правило, принадлежность к сельскому сообществу и селу как определенной локальности, проявляется в миграции. В ходе работы с дагестанскими мигрантскими сообществами в городах Тюменской области автору нередко приходилось задавать вопрос о численности дагестанцев в том или ином населенном пункте – такие вопросы, как правило, задавались активным членам официальных земляческих структур. Поскольку официальная статистика внутрироссийской миграции в целом не может показать масштабы явления, а подушную перепись члены землячества не ведут (да и как ее провести, если в условиях временной трудовой миграции сообщество

весьма мобильно), подсчеты земляков нередко проводились примерно и непосредственно в процессе интервью после вопроса о численности мигрантов из республики в том или ином городе. В этом случае самым распространенным способом подсчета было количество семей из того или иного дагестанского села. Эта информация в отличие от общей численности была очевидно значима для дагестанцев-активистов, нередко назывались «официальные» представители того или иного села в землячестве. Упоминалась и причина такой формы учета земляков руководителями землячеств – по селам собирают деньги на те или иные нужды (самое типичное – сбор денег на отправку умершего дагестанца на родину), представители сел оповещаются, если нужно собрать людей на общий сбор для обсуждения той или иной темы.

Говоря о концепте «глобальной деревни», П. Набти, рассматривая ливанскую деревню, вовлеченную в процесс международной миграции, подчеркивала: ливанская деревня основана на чувстве совместно разделяемой истории ее людей, на личных отношениях, построенных на мириадах взаимопересекающихся социальных сетей [22, р. 299]. Применительно к дагестанскому материалу можно отметить важность сельской локальности, которая становится местом претворения в жизнь многих проектов выходцев из селения.

Очевидно, существуют некоторые предпосылки, позволяющие говорить о выходе некоторых дагестанских селений за пределы физической локальности и применимости для них термина «глобальное селение».

Специфика внутрироссийской миграции. Налаженное транспортное сообщение, возможность регулярно возвращаться в отправляющее общество позволяют мигрантам чаще посещать родное село – это интенсифицирует социальные сети и объединяет физические локальности.

Роль социальных медиа и – шире – интернет-коммуникаций. В реальном времени интренет-общение, порой интенсивнее и подробнее, чем в самом локальном месте вне социальных сетей.

Родство и семья в условиях родовой и сельской эндогамии – основа для детерриторизации селения [16, р. 88]. Важная культурная специфика, подпитывающая идею «глобального селения» в Дагестане – брачный рынок в условиях сельской эндогамии, требующий от выходцев из одного селения, находящихся вдали от него, постоянно поддерживать связи со своей «метрополией» для возможности доступа к этому рынку в случае необходимости. Необходимость хоронить людей, умерших в миграции, также консолидирует сообщество вокруг локальности. Как итог – формирование транслокальных взаимодействий, транслокального сельского пространства и детерриториальной «глобальной деревни».

Построение идентичности на основе сельской истории и локальной языковой специфики. Обмен и разделение нарративов, какими бы травматичными, ностальгическими или политическими они ни были, дает потенциал к созданию и определению локальных родственных групп или идентичностей,

а также возрождает локальную борьбу и создает чувство общей истории для людей «дома» и «за границей» [16:17].

Попытки консолидации односельчан в условиях миграции за пределы сельской локальности путем организации тех или иных мероприятий (подробнее об этом см. [23]). В ходе таких мероприятий проблематизируется рассеянность земляков-односельчан и предлагаются пути решения – организация фонда помощи селу, проведение спортивных мероприятий между старым селом и переселенческим, а также земляками в миграции, проведение внутерриториальной переписи выходцев из села и другие практики, направленные на консолидацию в условиях детерриторизации сообщества.

Политическое устройство постсоветского Дагестана также способствует формированию детерриториальных образований, транслокальных по характеру взаимодействия. В частности, нерешенный вопрос административной принадлежности равнинных поселений на кутанных землях, когда реально расположенные в равнинных районах республики села административно относятся к горным районам [24; 25]. Фактически постоянно живущие на плоскости люди вынуждены оперировать горными селами как местом своей «политической» и «социальной» принадлежности. Право голосовать только в рамках горного села, получать там же социальные льготы и иметь там прописку актуализирует связь с горным селением даже для тех, кто в других сферах минимизировал контакты с исторической метрополией.

В качестве мозаичности понятия «селение» для современного Дагестана предлагается рассмотреть пример сел. Бежта. На первый взгляд, Бежта – пример «традиционной» локальности: труднодоступное, ограниченное горами село со своей специфической локальной культурой, отдельным языком, специфической этнической историей. Однако в настоящее время то, что можно назвать «Бежтой» и те, кого можно назвать членами бежтинского сообщества, представляют из себя довольно сложную многосоставную и во многом детерриторизованную систему.

Селение Бежта находится на границе Дагестана и Грузии в Бежтинской котловине. Бежтинцами можно назвать как жителей сел. Бежта, так и – шире – представителей этнической группы бежтинцев со своим бесписьменным языком (в состав этнической группы бежтинцев включают также тлядальцев и хашархотинцев). В данной статье бежтинцами будут называться жители сел. Бежта и выходцы из этого селения. В настоящее время бежтинцы компактно проживают помимо сел. Бежта, в селах Качалай Бабаюртовского и Заречное, Южный, Вперед, Рыбалко Кизлярского районов Республики Дагестан, а также в городе Махачкала. В Махачкале существует ареал компактного расселения выходцев из Бежты в пос. Ленинкент.

История маленькой Бежты – хорошая иллюстрация миграционной судьбы всего региона. Переселения из горного села начались еще в XVII–XIX веках в предгорья Грузии, где впоследствии сформировалось несколько сел, населенных бежтинцами, тлядальцами и хашархотинцами. В настоящее время в Кварельском районе Грузии сохранилось 3 села – Чантлискури, Тиви и Сарусо (именно в

Чантлискури живут выходцы из сел. Бежта). В 1944 г. бежтинцы, жившие в самой Бежте, а также кварельские бежтинцы и тлядальцы были принудительно переселены на территорию Чечни, население которой было депортировано в Среднюю Азию. Грузинское село было ликвидировано, сожжены дома в самой Бежте, чтобы жители самовольно не смогли туда вернуться. В 1956 г., после возвращения чеченцев из депортации, бежтинцы переехали вновь – некоторые основали новое село в Кварельском районе – Чантлискури, некоторые вернулись в саму Бежту. С того же времени начинается переселение бежтинцев в равнинные районы республики Дагестан – как более-менее плановое, так и стихийное. В результате на территории Дагестана, но за пределами Бежты проживает больше бежтинцев, чем в самом горном селении.

Однако движение бежтинцев – не только классическое переселение с периферии в центр, из горного района в более легкодоступные равнинные, а также в города республики (главным образом, в Махачкалу). Например, переезд из населенного бежтинцами Чантлискури в Россию шел весьма нелинейно. Черета плановых советских переселений, а также переселение по политическим мотивам в постсоветский период привела к тому, что к середине 1990-х гг. значительная часть жителей Чантлискури перебралась в равнинные села бежтинцев-переселенцев [26]. Некоторые семьи переехали в горную Бежту. Однако полторы сотни семей все еще продолжают проживать в Чантлискури, при этом поддерживая определенные достаточно регулярные связи с дагестанскими бежтинскими селами.

Одновременно с этим бежтинцы также были вовлечены в процесс трудовой миграции – в первую очередь в Московский регион, другие города Центральной России, в Западную Сибирь. Последнее направление для бежтинцев носило сезонный или вахтовый характер, в миграции не участвовали члены семей вахтовиков, поэтому на длительный период в городах Западной Сибири остались считанные семьи.

Таким образом, выходцы из Бежты проживают в горном селе, в целой группе равнинных сел, в некоторых городах республики, в первую очередь, в столице. Мигранты за пределами республики проживают в ряде российских городов. Относящиеся к бежтинцам жители Чантлискури добавляют в эту картину международный компонент.

Является ли в этих условиях Бежта «глобальным селением»? Ответ довольно неоднозначный.

Есть несколько факторов, которые говорят в пользу положительного ответа на этот вопрос. В первую очередь, этноязыковая специфика селения способствует сохранению тесных связей даже в условиях переселения. В целом характерная для Дагестана сильная сельская идентичность [18; 27] усиливается наличием этнокультурной и лингвистической специфики, что дает дополнительную базу для консолидации в условиях детерриторизации. Восприятие Бежты как центра отсчета идентичности подчеркивается временным статусом Чантлискури на территории Грузии и административной невидимостью Качалая (об этом речь ниже).

К тому же административная специфика Дагестана, описанная выше, делает связь между горной Бежтой и, к примеру, равнинным Качалаем достаточно сильной и неизбежной: формально Качалай, как и другие села, созданные на кутанных землях, административно приписан к Бежтинскому участку Цунтинского района, поэтому все вопросы, связанные с социальными выплатами, льготами, регистрацией, а также с выборами, вынуждают жителей равнины контактировать с малой горной родиной. В силу миграционной специфики (волны миграции 1980–1990-х гг.) многие жители Чантлискури имеют подобные контакты с Бежтой – те, кто смогли оформить российское гражданство, могли претендовать на российские льготы, получали в Бежте пенсии, имели там прописку и т.п. То есть с точки зрения государства несколько локальностей формально были объединены в одно под эгидой горного селения Бежта.

Еще один фактор относится к сфере социального – согласно полевым материалам автора, брачный рынок рассматриваемых селений остается более-менее единым. Брачные связи между селениями довольно активны – в ходе полевой работы автору часто приходилось слышать о браках между равнинными и горными бежтинцами, в порядке вещей и браки дагестанских бежтинцев с выходцами из Грузии. Мигранты, живущие за пределами Дагестана, также включены в эту сельскую брачную выборку на общих основаниях. Интересно, что даже период закрытых границ, когда многие жители Чантлискури не могли попасть в Россию и соответственно в Бежту, браки между кварельскими и дагестанскими бежтинцами заключались (здесь на помощь приходили средства связи – например, засватать невесту через границу могли по телефону). В последнем случае свадьба даже могла пройти и без полноценного приданого, которое в условиях государственной границы сложно и дорого везти в ту или иную сторону. При этом женихи и невесты из Качалая, Бежты и даже Чантлискури очевидно более-менее равнозначны в своем статусе, а при выборе партнера играет роль положение семьи, достаток и личные качества. Учитывая приверженность общества сельской эндогамии, это может свидетельствовать о тесных и актуальных связях бежтинцев в горном селе и за его пределами.

Социальные медиа и интернет вообще играют большое влияние при формировании «глобальной деревни» – именно распространение информации и называлось ключевым фактором, обеспечивающим селению возможность быть глобальным. В случае с Бежтой актуальными становятся группы в социальных сетях, объединяющие бежтинцев – нередко на тухумной или общесельской основе. При этом физическая локализация тех или иных участников групп в социальных медиа не важна: такие группы объединяют бежтинцев, переселенцев на равнину и в города Дагестана, а также трудовых мигрантов. При этом взаимодействие происходит в реальном времени, заменяя или даже превосходя реальное общение в сельской локальности. Социальные медиа (например, популярный в Дагестане WhatsApp) формируют детерриторизованные группы, подчас специфической направленности.

Например, в Бежте есть группы женских виртуальных зикров, объединяющие бежтинок из разных мест: женщины через мессенджеры коллективно читают зикр¹, то есть делают то, что обычно требовало физического присутствия в одном локальном пространстве.

Однако не стоит, судя по всему, говорить о едином социальном пространстве всех локальностей, так или иначе связанных с Бежтой. Здесь, безусловно, особняком стоят кварельские переселенцы, которые хотя и преодолели физические расстояния и сблизились с другими бежтинскими локальностями, все же обладают своей особой идентичностью, построенной на общей истории и специфическом переселенческом опыте и современном опыте получения/неполучения российских льгот и гражданства. При этом кварельские переселенцы, ощущая свое единство относительно других бежтинцев, сетуют на разрозненность своего переезда. Не все родственные группы смогли переехать в один населенный пункт в связи с разными волнами переселения, а в условиях разбросанности по всему Дагестану им сложно на желаемом уровне поддерживать взаимодействие внутри сообщества.

Рассмотрев специфическую ситуацию с селением Бежта в контексте дискуссии о судьбе локальности и сообщества и о «глобальном селении» в Дагестане, стоит подвести некоторые итоги. В настоящее время в результате масштабных миграций как внутри республики, так и за ее пределы лишь относительно немногие села Дагестана могут похвастаться тем, что большинство их населения верно прежней сельской локальности. Наоборот классической стала ситуация, когда в горном селении проживает многократно меньше семей, чем за его пределами. У выходцев из села есть несколько направлений отъезда: помимо трудовой миграции сельчане переселяются в «свои» села на равнине, а также в города республики и за ее пределы. Полевые данные показывают, что существуют как определенные практики, направленные на формирование и сохранение единства детерриторизированного селения, так и чувство единства членов этого детерриторизированного сообщества. Сельские сообщества, преодолевая локальность и цельность, в значительной мере присущую большинству из них еще несколько десятилетий назад, в настоящее время переживают период трансформации, и перед ними встает вопрос – насколько возможно сохранить себя в качестве единого социального организма в новых условиях. Разумеется, в каждом селе степень единства сообщества и взаимодействия жителей села, переселенцев и трудовых мигрантов, уехавших из селения, может быть различна. Однако, на взгляд автора, существует общий принцип глобализации сельской локальности в современном Дагестане, который к тому же в целом укладывается в общий миграционный тренд, описанный в теоретической части статьи. В современном виде такая специфическая социальная реальность – глобальное селение – определяет векторы развития социальной, политической и культурной жизни республики.

---

¹ Духовная практика в исламе, заключающаяся в многократном повторении молитвенных текстов, прославляющих Всевышнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Gupta A., Ferguson J. Beyond Culture: Space, Identity and the Politics of Difference // *Cultural Anthropology* 7, No. 1 (1992): 6-23.
2. Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии / Этнографическое обозрение. 2013, № 4 . С. 3–44.
3. Kearney M. The Local and the Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 24. 1995. PP. 547–565.
4. Касабуцкая М.С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // Труды Санкт–Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 205–212.
5. Аксенова О.В. Концептуализация локального в западной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Вып.17. № 2. С. 111–125.
6. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration New York // *Annals of New York Academy of Science*. 1992
7. Basch, L. (Ed.), Schiller, N. (Ed.), Blanc, C. (Ed.). *Nations Unbound*. London: Routledge, 1994
8. Appadurai A. *Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology/ in Recapturing anthropology. Working in the present*. Ed. By Richard G. Fox. Santa Fe. 1991 P. 191–210.
9. Байфорд Э. Разыгрывая «сообщество»: русскоязычные мигранты современной Британии // Новое литературное обозрение. 2014, 3. Доступно по ссылке: <http://www.nlobooks.ru/node/5175> (дата обращения: 10 октября 2017).
10. Cohen A.P. *The Symbolic Construction of Community*. London/New York: Routledge, 1985.
11. Wonneberger A. The End of Community?: Concepts of Locality and Community before and after the Spatial Turn in Anthropology: A Case Study of the Dublin Docklands // *Localities*, 2011, 1. PP. 125–158.
12. Copeland-Carson J., Odell Butler M., Wasson C. *Global-Local Connections: The View from Applied Anthropology // Applying Anthropology in the Global Village*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press. 2012. PP. 7–20.
1. Gupta A., Ferguson J. Beyond Culture: Space, Identity and the Politics of Difference // *Cultural Anthropology* 7, № 1 (1992): 6-23.
2. Gupta A., Ferguson J. Discipline and practice: “field” as a place, method and locality in anthropology [Distsiplina i praktika: «pole» kak mesto, metod i lokal'nost' v antropologii] *Etnographicheskoe obozrenie*. 2013, № 4: 3–44.
3. Kearney, M. The Local and the Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism *Annual Review of Anthropology*. Vol. XXIV. 1995: 547-565.
4. Kasabutskaya MS. Glocalization and features of intercultural interaction [Glokalizatsiya i osobennosti mezhkul'turnogo vzaimodeystviya] *Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture*. 2015. Vol. 206: 205–212.
5. Aksenova O.V. Conceptualization of the local in Western sociology [Kontseptualizatsiya lokal'nogo v zapadnoy sotsiologii] *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014. Issue 17. № 2: 111–125.
6. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration New York *Annals of New York Academy of Science*. 1992
7. Basch, L. (Ed.), Schiller, N. (Ed.), Blanc, C. (Ed.). *Nations Unbound*. London: Routledge, 1994
8. Appadurai A. *Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology / in Recapturing anthropology. Working in the present*. Ed. By Richard G. Fox. Santa Fe. 1991: 191–210.
9. Byford E. Playing the “community”: Russian-speaking migrants of modern Britain [Razygryvaya «soobshchestvo»: russkoyazychnyye migranty sovremennoy Britanii] *New Literary Review [Novoye literaturnoye obozreniye]*. 2014, 3. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/5175> (accessed: October 10, 2017).
10. Cohen A.P. *The Symbolic Construction of Community*. London / New York: Routledge, 1985.
11. Wonneberger A. The End of Community? Concepts of Locality and Community before and after the Spatial Turn in Anthropology: A Case Study of the Dublin Docklands *Localities*, 2011, 1: 125–158.
12. Copeland-Carson J., Odell Butler M., Wasson C. *Global-Local Connections: The View*

13. Salazar N. Experimenting with 'glocal ethnography' as a methodology to study tourism in Asia and beyond // *Asia Research Graduate Workshop Proceedings CD-ROM*. Singapore: National University of Singapore, 2006. <https://lirias.kuleuven.be/1794682?limo=0>
14. Kearney M. *Changing Fields of Anthropology: From local to Global*. Lanhan. MD. Rowman and Littlefield, 2004.
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 286 с.
16. Peleikis A. *Lebanese In Motion – Gender and the Making of a Translocal Village*. Bielefeld. Transcript Verlag, 2003.
17. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. – 236 с.
18. Карпов Ю.Ю. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 5–74.
19. Перепись населения РФ 2010 г.: Республика Дагестан. 27.02.2013 <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220692/>
20. Капустина Е.Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 26–34.
21. Капустина Е.Л. Дагестанцы в Сургуте: неформальные транслокальные сообщества и официальные земляческие организации в принимающем сообществе // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы Сборник материалов международной научно-практической конференции (30 ноября – 2 декабря 2017 г.) / отв. за вып. Н.П. Копцева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 262–271.
22. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant connections to Ivory Coast, *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*, 30 | 2000, 297–318.
23. Капустина Е.Л. «Мы не должны потеряться»: стратегии символической консолидации односельчан в Республике Дагестан // *Applied Anthropology Applying Anthropology in the Global Village*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press. 2012: 7–20.
13. Salazar N. Experimenting with 'glocal ethnography' as a methodology to study tourism in Asia and beyond *Asia Research Graduate Workshop Proceedings CD-ROM*. Singapore: National University of Singapore, 2006. <https://lirias.kuleuven.be/1794682?limo=0>
14. Kearney M. *Changing Fields of Anthropology: From local to Global*. Lanhan. MD. Rowman and Littlefield, 2004.
15. Anderson B. *Imaginary Communities [Voobrazhayemye soobshchestva]*. M.: Canon-Press-Ts, Kuchkovo field, 2001.
16. Peleikis A. *Lebanese In Motion - Gender and the Creation of a Translocal Village*. Bielefeld. Transcript Verlag, 2003.
17. Aglarov MA. *The rural community in Nagorno-Dagestan in the XVII - early XIX century [Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.]*. M., 1988.
18. Karpov YY. Mountain Dagestan village: from the traditional Jamaat to the current social image [Gornoye dagestanskoye seleniye: ot traditsionnogo dzhamaata k nyneshnemu sotsial'nomu obliku] *North Caucasus: traditional rural community - social roles, public opinion, power relations [Severnnyy Kavkaz: traditsionnoye sel'skoye soobshchestvo – sotsial'nyye roli, obshchestvennoye mneniye, vlastnyye otnosheniya.]*. St Petersburg, 2007: 5–74.
19. Census of the Russian Federation 2010: Republic of Dagestan. 02/27/2013 <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220692/>
20. Kapustina EL. Between the North and the land: the road from Western Siberia to Dagestan as an element of the social space of a translocal migrant *Sociological Studies*. 2017. № 5: 26–34.
21. Kapustina EL. Dagestanis in Surgut: informal translocal communities and official community organizations in the host society [Dagestantsy v Surgute: neformal'nyye translokal'nyye soobshchestva i ofitsial'nyye zemlyacheskiye organizatsii v prinimayushchem soobshchestve] *Specificity of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX – XXI centuries: experience and prospects Collection of materials of the international scientific-practical conference (November 30 - December 2, 2017) [Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX–XXI vekakh:*

гестан (по материалам полевых исследований 2009–2011 гг.) // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 408–412.

24. Казенин К.И. Элементы Кавказа: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: REGNUM, 2012. – 174 с.

25. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI веков: история, социокультурные и этнополитические результаты. СПб: Петербургское востоковедение. 2011. – 438 с.

26. Капустина Е.Л., Карпов Ю.Ю. Кварельские аварцы в XX веке // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып.10. 2010. С. 118–137.

27. Магомедханов М.М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008. – 271 с.

opyt i perspektivy Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (30 noyabrya – 2 dekabrya 2017 g.) / ed. N.P. Koptseva. - Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018: 262–271.

22. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant connections to Ivory Coast, *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*, 30. 2000: 297–318.

23. Kapustina EL. “We must not get lost”: strategies for symbolic consolidation of villagers in the Republic of Dagestan (based on field studies 2009–2011) [«My ne dolzhny poteryat'sya»: strategii simvolicheskoy konsolidatsii odnosel'chan v Respublike Dagestan (po materialam polevykh issledovaniy 2009–2011 gg.)] *Lavrovsky collected articles: Proceedings of the XXXIV and XXXV Central Asian readings in 2010–2011. Ethnology, history, archeology, cultural studies*. St. Petersburg, 2011: 408–412.

24. Kazenin KI. *Elements of the Caucasus: land, power and ideology in the North Caucasus republics [Elementy Kavkaza: zemlya, vlast' i ideologiya v severokavkazskikh respublikakh]*. М.: REGNUM, 2012.

25. Karpov Y., Kapustina E. *Highlanders after the mountains. Migration processes in Dagestan in the XX - early XXI centuries: history, sociocultural and ethno-political results [Gortsy posle gor. Migratsionnyye protsessy v Dagestane v XX – nachale XXI vekov: istoriya, sotsiokul'turnyye i etnopoliticheskiye rezul'taty]*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 2011.

26. Kapustina EL., Karpov Y.Y. Kvareli-Avars in the XX century [Kvarel'skiye avartsy v XX veke] *Materials of field research of the MAE RAS [Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN]*. Issue 10. 2010: 118–137.

27. Magomedkhanov M.M. *Dagestanis. Ethnolinguistic and sociocultural aspects of self-awareness [Dagestantsy. Etnoyazykovyye i sotsiokul'turnyye aspekty samosoznaniya]*. М., 2008.

Статья поступила в редакцию 04.12.2019 г.